

с песней в XIII веке в Рязанской земле существовали и предания о Евпатии или даже просто жили воспоминания, не оформленные художественно. Из этих источников могли придти в „Повесть“ отдельные фактические подробности: указание о том, что Евпатий в момент нашествия Батыя находился в Черниговской земле; точное определение состава дружины Коловрата (1700 человек); сообщение, что Евпатий догнал войско Батыя в „земли Суздастей“; число пленных, „изнемогших от великих ран“ („5 человек воинских“).

В рассказе есть несколько стилистических деталей, которые хотя и отсутствовали, повидимому, в песне, но носят народнопоэтический характер и свидетельствуют о чуткости автора к фольклору, о том, что он не только непосредственно включал в свою „Повесть“ фольклорные произведения, но и, говоря словами В. П. Адриановой-Перетц, мыслил как народный поэт. Сюда я отношу фразу: „Татарове же сташа, яко пьяны, или неистовы“. Полагаю, что слово „неистовы“ дано автором в качестве комментария к сравнению „сташа, яко пьяны“. Не свидетельствует ли это, что самое сравнение, фольклорное по своему характеру, было для того времени новым и нуждалось в истолковании? Сюда же следует отнести „эпический“ вопрос царя: „Коеа веры еста вы, и коеа земля, и что мне много зла творите?“. Этого вопроса, вероятно, не было в песне: в первой части ответа пленных — „Веры христианския есве, раби великаго князя Юрья Ингоревича Рязанского, а от полку Еупатиева Коловрата“ — нет ничего песенного, а вторая его часть — собственно песенная — не является по существу ответом на вопрос Батыя. В песне Батый спрашивал у пленных о чем-то ином, его вопрос был как-то связан с основным зерном ответа — образом битвы-встречи и проводов гостей.

Выше уже говорилось о том, что все начало рассказа, вплоть до слов „Еупатий воскрича в горести душа своя“, носит чисто книжный характер и стилистически полностью согласуется со всей „Повестью“. От книжной традиции, скорее всего, идет образное выражение „татарове мняша, яко мертви восташа“. В народной сказке и, редко, в былинах герой может временно погибнуть и затем ожить с помощью чудесных средств, но этот мотив никакого отношения к фразе из „Повести“ не имеет. Автору, конечно, принадлежит первая часть ответа пленных.

Что касается собственно песенных мест и образов, то автор чаще всего передает их не путем прямого и строгого цитирования, а пересказывает их, сохраняя их общий фольклорный характер, но переключая их с языка собственно песенного на язык литературный. Эту свою задачу неизвестный писатель проделал с большим художественным тактом. В результате ему удалось согласовать сюжет народной песни с сюжетом „Повести“ в целом, согласовать и стиль вставки со стилем „Повести“, сохранив в то же время характерные особенности народной поэтической манеры.

Неизвестный автор продолжает лучшие традиции древней русской литературы в обращении с фольклорным материалом, так ярко выраженные в творчестве первых летописцев и создателя „Слова о полку Игореве“.¹

¹ Отмечу здесь, что проблема различных приемов и форм использования фольклора древнерусскими писателями в нашей науке еще не получила должного освещения, и „Повесть о разорении Рязани Батыем“ может служить благодарным материалом для ее исследования.